

БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА

★ СОВЕТСКИЙ ВОИН

ДМИТРИЙ
СМИРНОВ

АТАКА

АТАКА

№ 18 (637)
1970 год

Стихи

Главное Политическое Управление Советской Армии
и Военно-Морского Флота

Поэт Дмитрий Смирнов — участник Великой Отечественной войны. Был он стрелком, пулеметчиком, начальником радиостанции. Опален огнем сражений под Москвой, Курском и Орлом, под Витебском и Кенигсбергом. Участие в войне с Японией — последний этап его боевого пути.

После войны Смирнов работал в газетах «Московский комсомолец» и «Комсомольская правда», в журнале «Смена», заочно окончил Литературный институт имени А. М. Горького.

Стихи Дмитрия Смирнова появляются на страницах центральных газет и журна-

лов. Выходят в свет книги «Звездный дождь», «Яблоневый берег», «Полет весны», «Высокая звезда», «Чайка отдыхает на волне», «Зеленый огонь», сатирическая книга «Смышленный поросянок» и другие.

В сборник «Атака» вошли стихи поэта о войне, о современной армии, а также о Родине, любви и дружбе.

БАЛЛАДА О НЕИЗВЕСТНОМ СОЛДАТЕ

Родился в деревне Грибцово.
Крестили. Назвали — Касьян.
Фамилия в сердце — отцова.
В сословной графе — из крестьян.
Касьян Спиридонович Грошев —
Потомственный русский мужик,
Ему лошаденка дороже,
Чем тройки лихой коренник,
Дороже коса луговая,
Чем липка и нож кустаря...
Мужал он, воза навивая
И комли на плечи беря.

Колхозы. Рубеж их не только
В полях и деревне самой —
В сердцах он пролег и надолго
Решительной осью земной.
Пришелся Касьяну по нраву
Полей бесполосный размах.
Колхозные нивы и травы
Зарей прорастали в умах.

Жена и глазастые дети,
Бревенчатый рубленый дом —
Радеть бы...

Да с запада ветер
Донес потрясающий гром.
Война.

И все стало дороже,
Чем жизнь — хоть имеешь одну!
Касьян Спиридонович Грошев
Ушел рядовым на войну.

Сраженья. Сраженья. Сраженья.
Бомбежка. Атака. Прорыв.
Касьяна фигура саженья
Вставала, дороги закрыв.

Но пуля под сердце впивалась,
Свинец тот

хирург извлекал.
И все начиналось сначала,
Лишь жестче был в сердце накал.
Под вражьей пятой Подмоскovie.
Но сдвинула плечи Москва.
У Ленинского изголовья
Чеканились клятвы слова.
Раскатисто грянула битва.
Народа раскрылась душа,
Взрываясь в бою динамитом
И огненным гневом дыша.
Ревет и клоочет сраженье:
За боем — грохочущий бой.
Вставала фигура саженья,
Москву заслоняя собой.
И — вдребезги черную свору...
Но там, где окопчик не сдан,
Где тракт поднимается в гору,
Упал бездыханный Касьян.

На запад война уходила,
А он, все свое совершив,
Лег в ярусы братской могилы
У Крюковских знойных вершин.

Года журавлями летели
Над всем, что свершает народ.
Над звездами выли метели,
Топтались дожди у ворот.
Бездонна народная память:
Тот подвиг солдат не забыт.
Легенды живыми ростками
Навечно вплетаются в быт.

.
Бойца привезли на лафете
К суровой Кремлевской стене,
Чтоб знали о подвиге дети
И внуки пришли по весне;
Чтоб мать и жена преклонили
Колени у праха его,
И строем солдаты застыли,
Собрата почтив своего;
Чтоб отдали честь генералы
И гости бы шли без конца,
А будущих Бахов хоралы
О нем

 потрясали б сердца.
И вечный огонь красноватый
Над ним полыхает в цветах.
Он стал Неизвестным солдатом,
Чей подвиг известен в веках,
Чья слава звездой осиянна,
Великой победной звездой.

Стою. Вспоминаю Касьяна —
Не он ли под вечной плитой?

УДАР

Пилот рванулся напролом,
И поле взлета потонуло
Под бронированным крылом,
Еще томясь под властью гула.

С разбитой церковью село,
Где в речку дом его смотрелся,
Все ширясь, плыло на стекло
Оптическим волшебным рейсом...

И вспомнил: убегал
Далеко вдоль речушки,
Сбирал по берегам
Ребристые ракушки.

И прутья лозняка
Готовил для кошелки —
Тянуло паренька
Туда, где зяблик щёлкал.

И вспомнил мать, сестру —
У них в ладонях детство...
А домик — на юру...
Вот только бы взглядеться.

Село росло сейчас под ним.
И, словно руки вверх, навстречу
Из труб тянулся сизый дым —
Село в плену с тоской крылечек
Казалось более родным...

Но грянет роковой удар —
Село родное... Вражьи гнезда...
Пехота ринется туда,
Где сразу все взлетит на воздух.
Пилот расчистит путь войскам,
Приказа выполняя волю.
И пусть погибнет детство там —
Врага смешает он с землею!

Рука ложится на рычаг,
И груз летит... летит со свистом.
И вот — сверкая, грохоча,
Все пропадает в пекле мглистом, —
Там, где, ловя в прицел его
И маскируясь, как игрушки,
Язык вздымали огневой
И груди надрывали пушки.

Идя на цель из-за горы
И взмыв свечою над полями,
Пилот на танки немчуры
Обрушивал
металл и пламя.
А Родина простит его:

В жестокой за врагом погоне
Он не щадил порой того,
Что
 детство
 берегло в ладонях.

* * *

Я на фронте встретил девушку одну.
Был влюблен в ее глаза и седину.

...Раскопали холм бойцы, вступив
 в Орел.
Санитар живую девушку нашел.

Среди трупов продолжала жить она,
В полузабытье погружена.

Расстреляли немцы девушку в Орле.
Закопали. Но очнулась та в земле.

* * *

Я помню все... Мы под июльским зноем.
Ни тени от кустов, ни ветерка.
А впереди чернеет полосой
Врагом простреливаемая река.
Мы перейти должны,

 должны вломиться
В окопы, что на дальнем берегу.
Я всматриваюсь в каменные лица
Бойцов, лежащих от меня в шагу.
Прочесть на них хоть что-нибудь едва ли
Мне удастся, только щелки глаз
Огнем таким немеркнущим сверкали,
Что и в погибших никогда не гас.
Я встал и крикнул над солдатской
 цепью:

* * *

Была жестокая война —
Ты в лодке раненых возила.
Однажды минная волна
Тебя оставила без силы.

Но вёсел ты не упустила:
Скрутила сердце в крепкий жгут,
Достала локон жостью губ
И с женской злостью закусила.

ПОДРУГЕ

Как источник, я тебя искал,
Пробираясь древнею тайгою.
Отдыхал я на вершинах скал,
Далью зачарованный морскою.

Плыл к тебе по Волге на плотах,
Поездом летел до полустанка.
Пил росу с дремавшего куста,
Уходя в дорогу спозаранку.

Ты была совсем недалеко,
Но взметнулось над страной пламя,
И меня в сражение увлекло
Грустными, несжатыми полями.

В госпитале бредил я тобой,
И быстрее раны заживали,
Поднимался — торопился в бой,
О тебе скучая на привале.
Ты была за взрывами видна
Где-то в полувыжженной деревне,
В бой меня вела тропа одна —
В те года сошлись тропинки все в ней.

Но нашел тебя в селе родном
В дни, когда вернулся я с победой.
Землю чуть не обошел кругом,
Чтоб пройти два шага до соседа.

* * *

Подмосковные березки —
Кудри вдоль дороги.
И расцветкою не броски,
И душой не строги.

Только есть такое что-то
В простоте кудрявой,
Что бросало в бой пехоту,
Окрыляя славой.

* * *

Израненный пришел с войны
Солдат в свое село.
Но нет села — той стороны,
Где детство протекло.

Стоял солдат над головней —
Она черным-черна,
Как совесть тех, кто шел войной,
Кого смела война.

Рубашка сброшена давно.
За пояс ручейком
Струится пот.

Гудит бревно
Под острым топором.

Звонит размашисто солдат
В селенье и в бору.
В могилах воины лежат,
Внимая топору.

* * *

«Выходила на берег Катюша»... —
Льется и наивно и серьезно.
Довелось мне это пенье слушать
Под раскаты канонады грозной.

Будто песню слышу я впервые,
Все встает из песни по-другому:
Берега, и яблони России,
И Катюша с песней к дорожному.

Ждет она ушедшего в сраженье.
За Катюшин яблоневый берег.
Верностью рожденное терпенье,
Как венок, к лицу пришлось теперь ей.

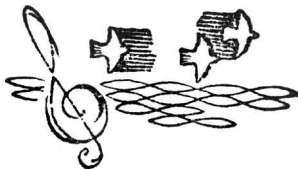
И дивчина Катины печали
Разделяла, может быть, ревнуя.
Я ушел, слова еще звучали:
«Пусть он землю бережет родную».

* * *

Из беспокойной замети
Передо мной встают
Затерянные в памяти
Рабфак и институт.

А там — война.
Прощание.
Платформа. Поезд. Фронт.
Зловещее сияние —
Горящий горизонт.

Я отступал в огне, в боях
К безрадостной Москве,
И набирался гнева я
В страданиях и тоске.

И ныли раны первые,
Ну, а душа вдвойне.
Крепил в атаках нервы я,
Мужая на войне.

Родное Подмоскowie,
И Сталинград, и Курск,
Своею полил кровью я,
Держа к победе курс.

В ночи нас поднял пылкий друг:
— Берлин, ребята, наш! —
Я из его рванулся рук
И мигом — на блиндаж.

Вдохнул, как никогда еще,
Казалось, не дышал,
Как сын земли страдающей
И той земли — душа.

И вот — земля советская:
Смоленск, Москва, Урал.
Все озираю по-детски я,
Едва рукой не брал.

Всех чувств не передашь теперь,
Но сильное одно,
Что разрослось тогда ж в тебе, —
Не сгладилось оно.

То чувство — чувство Родины.
Ее лесов и рек,
Ее полей, что пройдены
И дороги навек.

Ее богатств неслыханных,
Заводов, городов,
Ее потерь невиданных,
Ее сирот и вдов;

Ее Сибири-матушки,
Что проезжал тогда,
Ее Байкала-батюшки,
Где так чиста вода.

Тайга... Амур... А там уже,
За ним, на сопках — враг.
Пристрелян каждый камушек,
Кусточек и овраг.

Любовь к великой Родине
Нас бросила в бои...
И вот войны как будто нет.
Спешим в края свои.

Вновь горизонт раздвинулся,
Стал шире и ясней,
Ясней боев картина вся
И все свершенья с ней.

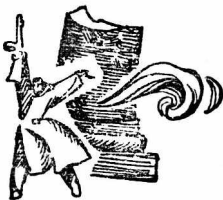
ПОБЕДА

В два ночи закричал телеграфист:
«Победа! Слышите, победа!»
Прорезал ночь над блиндажами
свист —
Взлетела за ракетой ракета.

И затрещал винтовок перещелк,
И застрочили где-то автоматы.
Потом — «ура».

Потом «ура» еще
Гремело над окопами с раскатом.

Наутро тряпкой падали к ногам
Со свастикою черные знамена.
И Родина в глаза взглянула нам
По-матерински ласково, влюбленно.

В ее глазах мы увидали свет
Из пепла вставших городов, селений
И отблески совсем иных побед,
Которые идут за этой,

главной,
вслед

На фронте мирных наступлений.

Мы увидали в них огни на Ангаре
И целины разбуженные дали,
Взлетевшие в пространство на заре
Планеты-спутники мы увидали.

И клятву дали Родине тогда,
Как мы давали клятву перед боем:
Пусть вдаль идут стремительно года
Под красным стягом мира и труда —
«Мы наш, мы новый мир построим».

РАКЕТЧИКИ

Пустыня дышала, как дышит больной,
Когда поднимается жар до предела.
И пыль по маршруту сплошной пеленой,
И солнце таращит свой глаз обалдело.

Здесь все замирает в решительный миг
И сердце, и злое дыханье пустыни.
Последней секунды рванул маховик —
И солнце закрыло клубами густыми.

Взлетела машина, и огненный хвост
Пустыню обдал нарастающим жаром.
Ракета во весь свой космический рост,
Сверкая, томилась прицельным ударом.

Рванулась по курсу — удачен расчет.
Но запуск всегда, как в забое работа:
Стирает ракетчик ладонью со щек
Потоки земного горячего пота.

Звала Магнитка. Мы пошли на бой:
Вонзались ГРУБО в мерзлый грунт киркой,
А в ночь вонзались ГРУБОЮ строкой...
Звала Магнитка. Мы пошли на бой.

Днепру бросались мы наперерез —
И взнудан ГРУБО вздыбившийся бес,
Чтоб мог вращать вселенную чудес —
Днепру бросались мы наперерез.

А кто-то где-то нас терпеть не мог,
Сорвать с границы замышлял замок.
Но, сделав шаг, расхристанный замок.
И все же кто-то нас терпеть не мог.

Для нас мещане пути зло плели,
Чтоб души чахли в тряпках и в пыли.
Ползла к знаменам туча всякой тли —
Для нас мещане пути зло плели.

Мы самой ГРУБОЙ на земле метлой
С ухваткой сокрушительной и злой
В огонь сметали плесень вместе с тлей —
Мы самой ГРУБОЙ на земле метлой.

А кто-то снова нас терпеть не мог.
В поход готовил кованый сапог.
И вот вломился в дом через порог,
Все оттого, что нас терпеть не мог.

Тогда мы ГРУБО встретили врага:
Сломал ему точеные рога,
Разбили в прах — не дрогнула рука.
Тогда мы ГРУБО встретили врага.

И наш не покачнуть железный строй.
Сыны труда — такой уже построй.
А что ГРУБЫ — случается порой!
Но наш не покачнуть железный строй!

НЕ ХОЧУ СТАРЕТЬ

Не хочу стареть и горбить спину,
Я хочу быть вечно молодым,
Руки работающие раскинув,
По земле шагать путем крутым.

Время-то какое молодое!
Некогда и незачем стареть.
Я готов на бой с любой бедою
И сегодня
 так же, как и впрямь.

Родина. Россия — синь да зелень,
Гул неугомонных проводов.
По стране шагал с улыбкой Ленин,
Чутьочку прищурясь от ветров...

Мне досталось счастье человечье
Из его трудолюбивых рук.
Подставляй свои, товарищ, плечи,
Помоги на повороте, друг,
Чтоб не расплескать его
 ни капли,
Чтоб не осквернил с налету враг.
Ленин счастье пестовал не так ли
В самом пекле вражеских атак?

Счастье не влетит заморской птицей —
Только б ухватить за пестрый хвост! —
Счастье и в квартире не вместится,
И для дачи
 не согнет свой рост.

Нет ему обыденных пределов.
Опершись народу на плечо,
Вон оно в Межзвездье загудело,
Чтобы стать заманчивей еще.

Не хочу стареть и горбить спину,
Я хочу быть вечно молодым,
Руки работающие раскинув,
Счастье проносить путем крутым.

КАК ТЕБЕ СЛУЖИТСЯ...

Евгению Грачеву, солдату

Как тебе служится, Женя Грачев?
(Ты еще Женя пока — не Евгений.)
Что автомат — не натер ли плечо?
В маршах шинель не оббила колени?

Школьные классы и шум вечеров —
Это уже навсегда за плечами...
Как тебе служится, Женя Грачев?
Что тебе снится в казарме ночами?

Недрузи где-то готовят войска —
Мир опрокинуть хотят на лопатки.
Крепнет твоя и душа, и рука
Возле орудий в походной палатке.

Как тебе служится, Женя Грачев?
Слышишь, к бомбежкам зовут в Пентагоне?
Слышишь, Израиль нападает еще,
В землях арабов творя незаконье?

Как тебе служится, Женя Грачев?
Знаю, ты в группе железного войска,
В дружной семье закаленных бойцов,
Чьи удалые сердца не из воска!

Дóма тебя воспитали таким,
Что командиры гордятся тобою.
Есть на кого понадеяться им,
Как говорится, в ненастье любое.

Быть может,
 сил набрать скорей хотят они,
Быть может,
 землю заслонить собой...
Смотря на них
 под гулками раскатами,
Я вспоминал
 свой самый первый бой.

АТАКА

Сверкнув опереньем,
 буруны
Взорвали ночной горизонт.
Над морем качнулся угрюмый
Простреленный звездами зонт.

Не дремлет локатора ухо.
В эфире морзянкой першит.
Вздыхает Вселенная глухо,
На луч маяка опершись.

Мрак высветив на два распах,
В азарте режут катера,
И ночь, отступая от страха,
В порывах своих недобра.

Размашисты злобные ветры,
Но сверены навеки сердца.
Нацелены точно ракеты,
Хоть волны — похлеще свинца.

Ракета!.. И — мачта в пучину...
Ракета!.. И — палубы нет...
Пусть всмотрится в эту картину
Встающий над морем рассвет.

Приказ в разгаре «боя» прост:
Взять на рассвете переправу.
Обезоружив скрытый пост,
Перемахнуть на берег правый.
Слегка шутя, мотострелки
Уже летят на вертолетах.
Но вдоль темнеющей реки —
Одни кочкарники, болота.
Решенье зреет: коли так,
Зависнуть, чтобы никли травы...
А за туманом буерак
И горб дощатой переправы.
На кочки прыгают стрелки
И, укрываясь за кустами,
Ползут к излучине реки,
Бегут короткими бросками.
Связист доносит:
— Мост — в руках!
Лицо спокойно командира.
В его улыбчивых глазах
Сейчас, быть может, судьбы мира.

ВСЕГДА В СЕРДЦЕ МОЕМ

Я не видел Ленина живого,
Я родился после Октября,
Но его всегда живое слово
Окрыляло, за сердце беря.

Был я пионером. И в отряде
Развевалось знамя с Ильичем.
На обложке серенькой тетради
Взгляд его был солнечным лучом.

Стал я комсомольцем. И у сердца
С профилем его носил билет.
Потому сумело разгореться
Сердце этих юношеских лет.

Ленина я видел на экране,
И морщинки теплые у глаз
Я уже угадывал заране,
Будто с ним беседовал не раз.

Всей душой я беззаветно верил
Ленинской стремительной руке.
Предо мною открывались двери
В самом отдаленном далеке.

Открывались вековые недра
И земли, и человеческих душ.
Шел вперед я под напором ветра,
И гудела проводами глушь,

И радировал суровый полюс,
Вспыхивали электроогни,
И целинный полновесный колос
Кланялся мне в солнечные дни...

Я смотрел в глаза шахтерам смелым,
Я в глаза строителям смотрел,
Занятым одним великим делом —
Землю украшать величием дел.

И в улыбках тех людей бывалых,
Землю заставляющих цвести,
Ленина улыбка оживала,
К счастью осветившая пути.

Я не видел Ленина живого,
Я родился после Октября.
Вновь и вновь его живое слово
Окрыляет, за сердце беря.

ЗВЕЗДНЫЙ ДОЖДЬ

Гул печей в груди у сталевара
Не остыл, когда он шел домой.
На тропе озябшего бульвара
Остро пахло выпавшей зимой.

Легким ритмом беззаботной песни
Вторил парень шагу своему.
Звездный ковш Медведицы небесной
Ковш земной напоминал ему, —

Тот, в который он сливал с друзьями
Клокотавший огненный металл...
С широко открытыми глазами
Сталевар среди бульвара встал.

Показалось:
 искры буйной стали,
Что цветным дождем взлетали ввысь,
Над родным поселком засияли,
Над землею звездами зажглись.

У ЗАСТАВЫ ИЛЬИЧА

У заставы его имени
Я воспитывался и рос.
Заводские огни меня
Приводили к цехам на откос.

Подходил тогда к мартенам я,
К серпомолотовским печам.
В них, вскипая, металась пенная
Сталь по огненным кирпичам.

Я не в силах был от пламени
Глаз ребяческих отвести;
До костей тогда прожгла меня
Печь на отроческом пути.

И поздней, где бы ни был в пути я,
По стране, по земле колеся,

Мне светили огни заводские
И застава светила вся.

ЖАР-ПТИЦА

Тревожно-хлопотливая жар-птица
На город опустилась меж домами,
И кажется, не может уместиться
И бьет по крышам жаркими крылами.

Весь небосвод, как в пекле раскаленный,
Заискрился созвездьями под вечер.
Дымящих труб могучие колонны
Встречают резкий, беспокойный ветер.

У домен и мартенов — он не робок, —
Едва приметен,
металлург шагает,
Но вот коснется рычагов и кнопок —
И в небеса жар-птица вылетает.

МОНТАЖНИК

Над твоей головой —
ты смелее ее запрокинь-ка! —
В небо ферма всплывает
ребристым подобьем крыла.
В ней завидная легкость,
какую имеет тростинка,
В ней железная тяжесть,
какую имеет скала.
Вот она поднялась
к облакам, где колдует монтажник,
В озаренье лучей
он сейчас словно бог в высоте,
Сваркой ладит каркас —
неколеблемый, многоэтажный —
На года, на столетья
как памятник дерзкой мечте.

* *
*

Шепот ручья и раскаты прибоя,
Гул самолета над ширью степной —
Все, чем живем и скорбя и ликуя,
В музыке отклик находит живой.
Радуга звуков цветет над планетой
И под рукой человека поет.
Музыка — сердца могучие крылья,
С ней совершаем по жизни полет.

* *
*

Ты видел факельное шествие
Берез осенних по Руси?
Они леса зажгли окрестные —
Теперь попробуй погаси!
Они сперва прошли опушкою
И, рощи снизу подпалив,
Легко скользнули над верхушками
И скрылись в чаще сосен, ив...
А на ветвях огонь подпалины
То гас, то вспыхивал опять,
И озарялись им прогалины,
И все мрачней чернела падь.
Уже горят и клены шустрые,
И вековые дубы.
Вот где-то звонко сучья хрустнули,
Вот корни встали на дыбы...
А ветер носит пламя клочьями,
Бросает в заводи осин.
Огнем кусты насквозь прострочены,
Прошита стынущая синь.
И только ели безупречные,
Гордясь величиим своим,
Торчат иероглифами вечными —
Лихой порыв неведом им...

Горят березы над планетою,
Их опаленный лист звенит.
Над вечерами и рассветами
Октябрь плывет, плывет в зенит,

РУЗА

Руза! Руза! Песенная Руза! —
В зелени утопший городок.
Для кого-нибудь ты, может, узок,
Для меня достаточно широк.

Холм твой, словно шапка Мономаха,
Укрывал всех рузичей в себе,
И бежали шляхтичи от страха
По смолою политой тропе.

Лихо колошматила фашистов,
Словно плечи, сдвинувши холмы,
И чернели трупы в поле чистом,
В кованных объятиях зимы.

А теперь цветешь ты, Руза! Руза! —
Малый древнерусский городок.
Для кого-то, может быть, и узок,
Для меня достаточно широк.

* * *

Я счастье черпал каской из ручья,
Винтовку сняв с усталого плеча.

* * *

Дороги по холмам бегут куда-то,
Им встретятся и поле, и река...
Они — как ляжки вещмешка
На выцветших плечах
Солдата.

* * *

Я соглашусь и камнем стать
И лечь на случай при дороге.
Когда пойдет чужая рать,
О камень тот сломает ноги.

* * *

Как цепка память в нас...
Не потому ль
Иная электричка поздней ночью
Не пролетит, а лес вдали прострочит,
Как очередь трассирующих пуль?!
И

* * *

Ты так живи, чтоб пулей дни летели.
В обойме семь патронов у недели.

* * *

Ища пути в космической пурге,
В ракете-тройке Человек несется,
Земля как колокольчик на дуге
Самой Вселенной,
а в упряжке — солнце.

Да бросить взгляд на плащ-палатку,
Что укрывала нас двоих,
На пару валенок разлтых,
С утра моих, а в ночь твоих...

Колонки старых телефонов,
Полузабытых адресов:
Вихров, Станкевич, Перепонов... —
Как всплески дальних парусов.

НА СМЕРТЬ ДРУГА МИХАИЛА ЖЕЛЕЗНОВА

Тебя мы звали просто Миша,
Так было ближе и теплей.
Струну фальшивую услышат
Тотчас, коль отчество припишут
Кому-нибудь в кругу друзей.

Твой чуб, спускавшийся до глаза,
Забавен был, и прядка льна
Напоминала как-то сразу
Игру тонов, свободу красок
Полей, терявшихся в копнах.

Того не выразишь словами,
Кем был ты в юной простоте...
Ты сразу вырос перед нами
Теперь, когда над головами,
Ты славой русскою взлетел.

Случилось так, что в дни сражений,
Когда слепящий едкий дым
Окутал мирные селенья
И в битвах не было мгновенья,
Чтоб написать тебе, родным,

Мы связь друг с другом потеряли.
Но не проходит дружба так —
Ее не письмами скрепляли,
Когда о будущем мечтали
И знали друга каждый шаг.

Вернувшись в дом, поздней узнал я,
Что нет тебя и не придешь.
В окопы смерть из гулкой дали
Взлетев, блеснула рваной сталью,
В глазах рождая черный дождь...

Хочу теперь я жизнь свою
По силам сделать продолженьем
Твоей, как делали в бою
Мы, продолжая наступленье
Того, кто погибал в строю.

А в новом доме, с молотка,
В селе безвестном, отдаленном
За доброй кружкой молока
Солдат из твоего ж полка
Расскажет о тебе влюбленно.

Одобрят скупой старики,
Заметив: «Были в наше время
Герои этакой руки.
Вишь, и сегодня не редки,
Что говорить — такое племя!»

Как поезд, вдаль уйдут года,
Но гул их долго слышен будет.
Герои — люди, города...
В сердцах останутся всегда,
Россия дел их не забудет.

И ты, мой друг, средь них...
Твой чуб
Заветный, льнистый так же вьется
Без романтических причуд,
Быть может, поглубев чуть-чуть,
Как это в песенках поется.

* * *

Земля!
Благодарю тебя,
Что родила меня не птицей,
Хотя, свободный взлет любя,
Готов я соколом родиться.

Благодарю.
А то б не смог
Произнести сейчас ни слова
И бросить стрелы гневных строк
В мурло обрыдлого и злого.

Проникнуть бы не смог в твои
Неисчерпаемые недра
И с атомом вести бои —
Чтоб раскрывался щедро.

Не мог бы светом озарить
В тиши твое лицо ночное,
И городами одарить,
И в засуху спасти от зноя...

По небесам теперь лечу
Быстрее, чем любая птица.
И океан мне по плечу —
Не надо рыбою родиться.

От ранних троп, как песнь простых,
И до космических раздолий —
Все расстояния постиг
Я силой разума и воли.

Земля!
Планета из планет!
Горжусь расцветом и разбегом.
Благодарю, что родила на свет
Меня ты
человеком!

ОН НАШ, ОН МОЙ...

А. Г. Николаеву, космонавту

— Мой сын! — в слезах сказала мать,
Пред космосом раскрыв свои объятия.
— Наш брат! До звезд любил в мечтах летать! —
Сестра сказала и сказали братья.
— Он наш земляк! Родился здесь и рос! —
Гудит деревня, где путей начала.
— Наш лесоруб! — бушует леспромхоз.
— Он наш! Чуваш! — Чувашия сказала.
— Он мой! — летит над гордою страной,
И с нею полпланеты повторяет.

Не нужно славы на земле иной,
Коль каждый с ней себя соединяет.

* * *

Чтят в народе обычай
До теперешних дней:
Как весна закурлычет —
Встречать лебедей,

Выходить всем селеньем
К белопенным волнам
И с душевным волненьем
Слушать радостный гам.

Есть поверье в народе:
Будто предки отцов —
Из лебяжьего рода,
Из весенних гонцов.

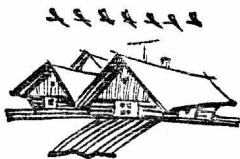
Пусть наивно преданье,
Суть его хороша,
Ведь крылата недаром
У народа душа.

* * *

В. В. Ефимочкину

Ты за руль «козла» садисься:
— Любопытно — прокачу! —
И летим в поля, в затишье.
Ты молчишь — и я молчу.
Рожь огнем пылает справа,
Слева — бархатом ячмень.
Лес — зубчатая оправа
И полей и деревень.
Понял я твое молчанье:
Мол, смотри и ведай сам.
И казалось бы, случайно
Завернул «козла» к овсам.
А потом — в поля гречихи,
В перестрелку быстрых пчел,
Где июльский воздух тихий
Меда бочками тяжел.
Под парной ладонью пруда
В глубине жиреет карп.
Пруд — надежная посуда,
Деловой в хозяйстве «скарб».
Без него — село без песни,
Без него — село без крыл,
И весенний шум — не вешний,
И осенний вид постыл.
А когда взлетают кряквы
Из пугливых камышей
И кружат, призывно крякнув
Робкой стайке «малышей»,
А когда слетают гибко
Ребятишки с берегов
И глядят на них с улыбкой
Сто старух и стариков,
Вот тогда село — что надо,
Заглядение село.

Не ломайте ж орешник,
 совершая набеги
 На лесные поляны и чащи лесов.
 Озорные девчонки,
 хохотушки в брючонках,
 Парень — в молниях куртка,
 транзистор оплечь —
 Гнут лозинки и виснут
 на гибких и тонких,
 Наклоняют,
 стараясь плечом приналечь.
 Звонок щелк-перещелк.
 Сладки зерна орехов.
 И в корзине — с горой,
 и карманы — битком.
 Куст измят,
 ветки сломаны ради потехи
 И прижаты к земле каблуком...
 Но прислушайтесь — стонет
 отшумевший орешник,
 Погибая, не может
 бросить гнева слова:
 Не губите орешник!
 Не ломайте орешник!
 Не простят вас
 ни солнце, ни синева.

✱ ✱
✱

Чайка отдыхает на волне.
Море — под крылом,
а сверху — небо.
Ей такое по сердцу вполне,
Если даже ветер бьет свирепо.

Чайка отдыхает на волне.
А волна бежит,
крута, игрива,
Шевеля на выгнутой спине
Белую растрепанную гриву.

Чайка отдыхает на волне.
А волна несет ее в ладони:
То чуть-чуть подержит в вышине,
То в ложбинку спустит
и не тронет.

Чайка отдыхает на волне.
Будто бы в своем гнезде гигантском,
Не грустя по штилю-тишине
И привыкнув к грубоватым ласкам.

Чайка отдыхает на волне.
Вот бы так всегда
в пути-дороге,
Отдыхая, любоваться мне
Жизнью, полной солнца и тревоги.

Чайка отдыхает на волне.

ДЖИГИТ

Алику Отарову

Торопит джигит молодой коня,
По хрусткой дороге его гоня.
Клубится за ним, отлетая, пыль.
Раздолье предгорий,
кавказская быль.
Джигиту всего-то пятнадцать лет,
Еще и усов не заметен след.
Он семечки лихо грызет на скаку,
И ветер срывает с губ шелуху.
Послушен скакун,
что летит как стрела.
Но нету уздечки,
не видно седла.

Есть руль,
 да мотор,
 да фары-глаза.
Четыре губатых в рубцах колеса.
Стекло ветровое,
 лучи расколов,
Жар-птицы пером горит над скалой.
А туча спускается темным крылом
Туда,
 где зубчатый зияет пролом.
Туча седа, как преданья веков.
Туча грозна,
 как сверканье подков.
Мчались когда-то здесь в бой скакуны —
У каждого в гриве тесак луны.
Сверкали кинжалы,
 впивались клинки —
Усобицы древней стальные клыки...
Джигит остроглазый ведет «Москвича»
По лезвию скал:
 по излому луча.
Вдруг пал на дорогу, на выбитый хрящ
Орел, словно демон,
 и зряч и незряч.
Птенца он схватил,
 темной буркой взмахнул.
В него радиатор
 паромдохнул.
И птица задела крылом о «крыло» —
Два мира,
 два века
 ущелье свело.
Глянул зрачкастый высот властелин,
И страх пеленою глаза застелил.
Орлу улыбнулся вихрастый джигит:
Друзья — не друзья,
 враги — не враги.
С дороги метнулась крылатая тень,
Скользнула по выступам каменных стен...
Машина по скалам плывет в облака,
И смотрит джигит на орла свысока.

БАЛЛАДА О СТАРОСТИ

Из глубины крутых веков
Зубцы скала взметнула.
Седой скалою стариков
Зовут ее в аулах.

Суров обычай той земли,
Как ветер в непогоду.
К скале сыны отцов вели,
Чтоб старость сбросить в воду...

Под вечер парень вел отца,
Папаху нахлобучив.
На парне не было лица —
Укор сердечный мучил.

Старик взглянул ему в глаза,
Когда над кручей встали.
— Смелее, сын, толкай, — сказал
Холодными устами.

Казалось, сердце поперек
Легло в груди у парня.
— Ты трусишь? — слышал он упрек. —
Да не жалею — уж стар я.

Толчок. И в пропасть полетел
Старик вниз головою.
По выступам скользнула тень
И скрылась под скалою.

Казалось, парень в землю врос
От горя и испуга.
Слегка качалась чаша звезд
Над головой шепсуга.

И вдруг из глуби вековой,
Из ада или рая,
Раздался голос гробовой,
До немоты пугая:

— Я зацепился сапогом
За корни или сучья...
Сынок, толкни-ка батоном,
Чтоб не висел над кручей...

Рванулся парень со всех ног,
Но не толкнул, как надо.
Он подал старику батог
И вытащил из ада.

— Тебя укрою я, отец,
Живи, коль так случилось.
Все будут знать, что ты мертвец
И в пропасть сброшен силой...

Шли дни. В ущелье древних гор
Ворвались иноверцы.
Лег плена тяжкого позор
Стервятником на сердце.

И парень рассказал отцу
О бедствии аула.
Слеза скатилась по лицу
И на клинке сверкнула.

— Да, надо уходить сынок,
Тропу один я помню.
Сбирай народ. Меня ж — в мешок.
С пути собью погоню.

И в горы выбрался аул,
Спасаясь от разбоя.
Народ на паренька взглянул,
Как смотрят на героя.

А парень вывел старика.
Все обомлели сразу...

Был слышен шепот ручейка,
Как шепот в час намаза.

— Не я вас вел, вот он — старик,
Меня ж простите, люди:
Столкнуть отца не смог в тот миг,
Исполнить долг свой лютый...

Там, где поток бежит, кипуч,
С тех пор иное стало:
Отцов не сбрасывают с круч,
Чтут стариков и старость.

В ЗАВОЛЖЬЕ

Россию познавая понемногу,
Заехал в край, где выше плеч трава,
Где глухари выходят на дорогу,
И на ветвях сидят тетерева.
Машины строчат на полях узоры,
На ломти режут порыжевший лес.
В лицо морозцем ударяют зори,
В прудах сжигая синеву небес.
Здесь Керженец песок мучнистый моет,
Могучей Волги ветвью стать спешит.
Здесь Волга — притяжение земное:
К ней прочно край дорогами пришит.

СЕНТЯБРЬ

Сентябрь подкрался и зажег
Со всех концов за полем рощу,
И ветер сорванный листок
Подолгу пробует на ощупь.

Озябли яблони в садах:
Как будто жар большого лета
Собрали в огненных плодах
И людям подарили с веток.

* * *

Они сидят, что колдуны в преданьях,
Их взгляд настороженно ворожит.
И кажется, застыло мирозданье,
Слегка лишь поплавок один дрожит.

Для них сейчас вся жизнь — в заветной точке
И держится, ей-ей, на волоске.
Вот так хоть раз себя сосредоточьте,
И слово золотое — на крючке.

ЛЮБИТЬ НЕ ГРЕШНО

Мы живем на земле, где любить не грешно,
Где любовь никогда не нуждается в модах.
Дорожи, если сердце любовью полно,
И не важно, не важно — ты стар или молод.
Верю я, что всегда есть безмолвная речь,
А в словах есть всегда и тепло и прохлада,
Есть и музыка рук, есть и музыка плеч,
Есть и вечная, вечная музыка взгляда.
Друг мой, если в пути вспомнишь клятвы свои,
То легко пережить ты сумеешь разлуку.
А изменишь тем клятвам — таи, не таи —
Сердце сердцу при встрече все скажет,
как другу.

* * *

Когда в телефонную трубку
Ты дышишь — не говоришь,
Я слышу, как сердце-рупор
Взлетает над радугой крыш
И в небо толчками стучится,
Понятными нам лишь двоим...
Ведь трубка у самой ключицы
Согрета дыханьем твоим.

МУЗЫКА

Такое знаю с детства я:
В гармонии святая сила.
В людских сомненьях и боях
Она к просвету выносила...
Бетховен... Лист...
Чайковский... Бах...
Раскаты. Молнии сверканье.
Проклятья.
Радость сквозь рыданья,
И поцелуи на губах.
Бурлива музыки стихия:
И моря гул, и звон степей,
И тройки борзые, лихие,
И хруст снегов, и ветровей.
Размашисты мелодий крылья —
Пари над миром и пари!
Гляди — сердца людей раскрылись,
Как от дыхания зари!

ЗЕМЛЯ В ЦВЕТУ

Земля в цвету! Мы говорим
И улыбаемся, и ловим
Случайный ранний лепесток
И долго держим на ладони.

Цветут сады! Они сейчас
Кипят и пенятся повсюду,
Сбегают бойкие к воде,
Идут в поля хлебам навстречу.

Ты в белом платице спешишь
Весенним шагом торопливым
Туда, где яблони свои
Раскрыли веки на рассвете.

И тянутся со всех сторон
К тебе садов густые ветви
С такой же силою, как я
Тянусь к тебе влюбленным сердцем.

* * *

Иное время к нам пришло,
Оно теперь неотразимо.
За равнодушьем скользких слов
Ты вдруг почувствовала зиму
И застегнулась поплотней,
И шею шалью обернула,
Чтобы тепло прошедших дней
Зима метелью не смахнула.

* * *

Ты куда-то уходишь опять,
Ты за что-то цепляешься вновь.
От меня ты стремишься скрывать —
Может, новая это любовь?

Но от сердца попробуй укрой —
Разузнает, поймет все равно.
Сердце ходит везде за тобой,
Потому-то и сердце оно.

* * *

Не знал, что ранит так неосторожность
В пустячном слове, брошенном случайно.
Казалось мне, причина так ничтожна,
Но ты уже сурова и печальна.
И сжаты губы и напряжены —
Ты не простишь невольного проступка.
Глаза морозных искорок полны —
Ты далека и снова недоступна.
И все к чертям, как домик, что из карт.
А может быть, и огорчиться нечем?
Пустяк ведь вырастает во сто крат,
Когда он у любимого замечен.

* * *

Сильные характером сходятся не сразу,
Пробуют друг друга долго, как струну:
То сердца на чуткость — молча, без показа,
То — на гибкость душу и на глубину.

Если сердце сильно к сердцу потянулось,
То оно и чутче будет и смелей.
Что б влюбленных в жизни близко ни коснулось,
Сердце все проверит волею своей.

МАТЕРИ

Я шел от тебя, дорогая,
От вяза, что ветви склоняет
И тихо шумит над тобою,
Над серым обветренным камнем,
Припавшим к земле сыровой
И над землею застывшим.

Я шел от тебя, дорогая,
Читал с любопытством обеты
Того, кто стоял у надгробья,
Тому, кто спокоен под ним.

И вдруг с ледяного гранита
Слова мне ударили в душу,
И выросли сразу до неба,
И звезд отдаленных коснулись,
Обняв надо мною миры.

Я шел от тебя, дорогая.
И жизнь твоя вся осветилась
Словами, что с камня срывались,
Как самые яркие звезды.

Родив нас, ты грудью кормила
И грела горячим дыханьем,
Чтоб в самую лютую стужу
Мы холода жизни не знали,
Чтоб крепили, росли и мужали.

Нас семеро было крикливых,
Упрямых и непослушных,
Но выжило четверо только.
Смерть в сердце твое вонзила
Три тяжких кинжала.

Три раны
До старости кровоточили.
Ты, нас от беды сберегая,
Себя истощила до капли,
И мы твоей силой окрепли...

Я шел от тебя, дорогая.
Меня те слова ослепили.
И мне захотелось, чтоб всюду
Над каждой укромной могилой,
Где мать непокорных и честных,
Устав, отработав, легла,
Горели б слова, словно звезды,
Горели бы и не сгорали:
«О нас она думала в жизни,
Забыв о себе навсегда».

БЕРЕЗКИ-ЗЕЛЕНОГЛАЗКИ

Кудрявые мои зеленоглазки,
Березки русской песенной земли,
С ребячьих лет привык я к вашей ласке,
Как в рощу, в сердце вы ко мне вошли.
Когда в делах устану я немного,
Иду один лесною стороной,
То чувствую себя не одиноким:
Вы рядышком шагаете со мной.
А если мчусь просторами России,
И ветер вдаль уносит облака,
Вы, словно бы сестрички дорогие,
Платочками мне машете слегка.
Куда бы жизнь сегодня ни бросала,
Каким бы чудным ни был белый свет,
Мне вас всегда, березки, не хватало —
Без вас ни жизни, ни России нет!

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Баллада о неизвестном солдате	2
Удар	4
Я на фронте встретил девушку одну...	6
Я помню все...	6
Пучки на столбиках	7
Была жестокая война...	8
Подруге	8
Подмосковные березки...	9
Израненный пришел с войны...	9
„Выходила на берег Катюша“...	10
Из беспокойной замети...	10
Победа	12
Ракетки	13
Есть в Будапеште на горе...	14
Кричат враги...	14
Не хочу стареть	16
Как тебе случится...	17
Любимой	18
Земля хранима	18
Как низко над землей...	19
Атака	20
Приказ в разгаре „боя“ прост...	21
Всегда в сердце моем	21
Звездный дождь	23
У Заставы Ильича	23
Жар-птица	24
Монтажник	24
Шепот ручья и раскаты прибоя...	25
Ты видел факельное шествие...	25
Руза	26
Я счастье черпал...	26
Дороги по холмам...	27
Я соглашусь и камнем стать...	27
Как цепка память в нас...	27
Ты так живи...	27
Ища пути в космической пурге...	27
Штрихи к портретам старых друзей	28
На смерть друга Михаила Железнова	29
Земля!	31
Он наш, он мой...	32

	<i>Стр</i>
Чтят в народе обычай...	32
Ты за руль „козла“ садишься...	33
Не губите орешник!	34
Чайка отдыхает на волне...	35
Джигит	36
Баллада о старости	38
В Заволжье	40
Сентябрь	40
Иду я к рыболовам спозаранку...	41
Любить не грешно	41
Когда в телефонную трубку...	42
Музыка	42
Земля в цвету	42
Иное время к нам пришло...	43
Ты куда-то уходишь опять...	43
Не знал, что ранит так неосторожность...	44
Сильные характером сходятся не сразу...	44
Матери	44
Березки-зеленоглазки	46

Дмитрий Артемьевич СМИРНОВ

АТАКА

Стихи

Художник М. Буткин

Главный редактор Ф. Царев
Литературный редактор Л. Костина
Художественный редактор В. Науменков
Технический редактор Р. Углова
Корректор К. Петнева

Адрес редакции: Москва, Д-47, Хорошевское шоссе, 38/40
Г-73651. Сдано в набор 5.VIII.70 г. Подп. к печ. 26.VIII.70 г. В печ. л. 55 000 тип. зн.
Бумага 70×103¹/₃₂ — 1,5 печ. л. = 2,03 усл. печ. л. Цена 5 коп.
Изд. № П/3823

Зак. 197

Ордена Трудового Красного Знамени
Военное издательство Министерства обороны СССР. Москва, К-160
1-я типография Воениздата
Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3

Цена 5 коп.

72934

